

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-153-163>

ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО: ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ И ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сергей Анатольевич Алтухов¹

Андрей Викторович Любимов²

^{1,2} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, Соборный переулок, д. 26

¹ ser-altuhov@yandex.ru

² andre-lyubimov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы оценки показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, обусловленные несовершенством законодательного регулирования, что допускает возможность различных злоупотреблений, в том числе нарушений права на защиту со стороны органов предварительного расследования и суда. Актуальность рассмотренных вопросов вызвана отсутствием в законодательстве четких и однозначных критериев определения приоритетов при анализе доказательств по делу на предмет их юридической оценки и определения степени важности, в особенности тех, которые касаются признательных показаний подозреваемого и обвиняемого. Одной из целей, которую авторы статьи сочли необходимым обозначить и решить в настоящем исследовании, является подготовка предложений, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства в части формирования единой правовой позиции при оценке признательных показаний подозреваемого и обвиняемого, которые на практике считаются более весомыми доказательствами с юридической точки зрения вопреки декларируемому уголовно-процессуальным законом равенству всех доказательств, а также при очевидном несоответствии и противоречии с другими доказательствами, подтверждающих вину рассматриваемых участников в инкриминируемом деянии на досудебных и судебной стадиях уголовного процесса. Обозначая проблемы, связанные с несовершенством законодательного и право-

применительного механизма оценки показаний вышеназванных участников уголовного судопроизводства, авторы исследуют проблему в контексте изменений уголовно-процессуального законодательства, происходивших с 30-х гг. прошлого века по настоящее время. Методология проведенного исследования основана на использовании различных методов и методик: исторического, сравнительного и статистического анализа. Новизна рассматриваемой проблемы предопределена не только проведением теоретико-правового анализа такого среза института доказательств, как оценки показаний подозреваемых и обвиняемых, но и тем, что в течение последних лет рассматриваемой проблеме не уделялось должного внимания в контексте реализуемой уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное следствие; подозреваемый; обвиняемый; преступление; суд; доказательство; показания.

Для цитирования: Алтухов С. А., Любимов А. В. Показания подозреваемого и обвиняемого: проблемы оценки и вопросы законодательного регулирования // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 153–163. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-153-163>

Research Article

TESTIMONY OF A SUSPECT ACCUSED IN A CRIMINAL TRIAL AS A SOURCE OF EVIDENCE: PROBLEMS OF EVALUATION BASED ON THE ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Sergey A. Altukhov¹

Andrey V. Lyubimov²

^{1,2} Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
26 Soborny Lane, Rostov-on-Don, 344002, Russia

¹ ser-altuhov@yandex.ru

² andre-lyubimov@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems of evaluating the testimony of the suspect and the accused in criminal proceedings, due to the imperfection of legislative regulation, which allows for the possibility of various abuses, including violations of the right to protection by the preliminary investigation bodies and the court. The relevance of the issues considered is caused by the lack of clear and unambiguous criteria in the legislation for determining priorities when analyzing evidence in a case for their legal assessment and determining the degree of importance, especially those relating to the

confessions of the suspect and the accused. One of the goals that the authors of the article considered necessary to identify and solve in this study is the preparation of proposals aimed at improving the current criminal procedure legislation in terms of forming a unified legal position in assessing the confessions of the suspect and the accused, which in practice are considered more weighty evidence from a legal point of view contrary to the equality declared by the criminal procedure law all evidence, as well as in case of obvious inconsistency and contradiction with other evidence, confirming the guilt of the participants in question in the incriminated act at the pre-trial and judicial stages of the criminal process. Identifying the problems associated with the imperfection of the legislative and law enforcement mechanism for evaluating the testimony of the above-mentioned participants in criminal proceedings, the authors investigate the problem in the context of changes in criminal procedure legislation that have occurred since the 30s of the last century to the present. The methodology of the research is based on the use of various methods and techniques: historical, comparative and statistical analysis. The novelty of the problem under consideration is predetermined not only by conducting a theoretical and legal analysis of such a cross-section of the institute of evidence as evaluating the testimony of suspects and accused, but also by the fact that in recent years the problem under consideration has not been given due attention in the context of the criminal policy being implemented.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; suspect; accused; crime; trial; evidence; testimony.

For citation: *Altukhov S. A., Lyubimov A. V. Testimony of a Suspect Accused in a Criminal Trial as a Source of Evidence: Problems of Evaluation Based on the Analysis of Law Enforcement Practice. Herald of the Russian Law Academy, 2023, no. 1, pp. 153–163. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-153-163>

Введение

На протяжении последних десятилетий Россия предприняла целый ряд усилий на пути построения правового государства, закрепив основополагающие демократические принципы и ценности (законность, равенство всех перед законом, справедливость, гуманность и т.д.) как в Конституции РФ, так и в каждом федеральном законе, в том числе в уголовном и уголовно-процессуальном. Но одно дело – провозгласить такие начала и положения, и совсем другое – реализовать их на практике, внедрить их в качестве обязательных и неукоснительных требований для правоприменителей.

Нужно признать, что указанные принципы считались значимыми и ранее. Так, например, ст. 127 Конституции СССР 1936 г. предусматривалась неприкосновенность личности гражданина, что в свою очередь гарантировало невозможность его ареста без постановления суда или санкции прокурора [1]. Хотя в ходе репрессий 30-х–50-х гг. прошлого века указанный принцип нередко подменялся политической целесообразностью и идеологическими целями.

В контексте исследуемой проблемы примечательны слова, приписываемые Генеральному прокурору СССР А. Я. Вышинскому (1935–1939 гг.), о «царице» доказательств, основу которой составляло признание лица в совершенном преступлении. В период сталинских репрессий таким признаниям отчасти был придан вид законности, что в итоге отражалось на значительном количестве завершенных «политических» дел, основанных на признаниях, полученных в результате физического и психического воздействия (пытках) на подозреваемых и обвиняемых. Примечательно, что А. Я. Вышинский в своем труде «Теория судебных доказательств в советском праве», высказывая мысль о недооценке показаний обвиняемого, указывал, что неправильная оценка признаний лица в совершенном деянии не должна являться единственным доказательством и восприниматься за «истину в последней инстанции», поскольку такие показания могли быть получены в результате грубейших нарушений уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 179–180].

1. Современное состояние проблемы защиты прав подозреваемых и обвиняемых

В настоящий период уголовно-процессуальное законодательство определяет довольно широкий перечень правовых средств, направленных на обеспечение защиты прав участников уголовного судопроизводства, включая подозреваемого и обвиняемого, а также соблюдения гарантий независимости защитников при оказании им квалифицированной юридической помощи. В то же время, анализ правоприменительной практики показывает, что, указанные гарантии, к сожалению, нивелируются по своей сути ярко выраженным обвинительным уклоном как на стадии предварительного расследования, так и при рассмотрении уголовного дела. Это подтверждают и результаты судебной практики последних лет. Шанс оправдательного приговора «стремится к нулю» – так можно прокомментировать итоги приговоров, выносимых судами РФ в 2020 г. Действительно, 0,36% оправдательных приговоров [3], вынесенных в период активной «фазы» построения правового государства в сравнении с периодом сталинских репрессий, когда такие приговоры выносились более чем в каждом 10-м случае (в 1936 г. – 10,9%, в 1937 г. – 10,3%, в 1938 г. – 13,4%, в 1939 г. – 11,1%) [4], наводит на мысль либо о повышении качества следствия, либо о формальной и весьма поверхностной реализации принципов состязательности и равноправия сторон субъектами правоприменения. Кстати, в 2021 г. удельный вес оправдательных приговоров снизился до 0,23% (1147 человек из 505 523 осужденных).

Судя по всему, с первым тезисом согласиться будет крайне сложно, учитывая вал нареканий как самих граждан, так и надзирающих органов к производству дознания и следствия (прокуроры ежегодно выявляет свыше 5 млн нарушений в этой сфере) [5, с. 222]. Это подтверждается и результатами обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в РФ. Так, жалобы по вопросам нарушений уголовно-процессуального законодательства в течение последних трех лет занимают первое место в тематике всех обращений граждан [5, с. 27–28].

Проблема обеспечения прав участников уголовно-процессуальной деятельности в части соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон, по на-

шему мнению, в большей степени отражает суть и весьма тревожные тенденции уголовного судопроизводства в стране, которое должно выступать мерилom и индикатором равенства и справедливости в обществе. И в большей части эта проблема связана с нарушениями прав подозреваемых и обвиняемых.

Следует признать, что действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 51, 75, 77, 276 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)) [6] не обеспечивает таким участникам всей полноты гарантий и защиты от незаконных методов ведения следствия, в том числе и с целью получения «нужных» стороне обвинения показаний. Не решают указанную проблему и факты привлечения к уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов за превышение должностных полномочий, фальсификацию доказательств, незаконное привлечение к уголовной ответственности и другие преступления.

2. От причин к следствиям

Корни указанных проблем отчасти лежат в плоскости до сих пор не изжитой «палочной» системы, ориентированной преимущественно только на положительные показатели раскрываемости преступлений. Как следствие, допускаемые сотрудниками следствия и дознания нарушения уголовно-процессуального законодательства при собирании доказательств, могут остаться без надлежащей оценки судьями и в процессе вынесения решений по делу. Причиной тому, по нашему мнению, является то, что суд перестает выступать в качестве независимого органа государственной власти, он постепенно превращается в важную, но составную часть сложной, но в то же время управляемой правоохранительной системы, в которой крайне неудобно проявлять принципиальность и оппонировать представителям МВД, ФСБ, СК, прокуратуры и т.п. К тому же общая заинтересованность указанных ведомств в отсутствии правоприменительных ошибок, в том числе на выходе (после постановления обвинительного приговора) устраивает практически всех.

Следственно-судебная практика показывает, что одним из важных и необходимых доказательств по уголовному делу являются показания подозреваемого и обвиняемого. Кстати, Свод законов 1857 г. (ст. 316) определял собственное признание подсудимого, «...лучшим свидетельством всего света» [7]. Указанное положение отчасти используется и в современном процессе. Так, например, при расследовании уголовных дел о кражах доказательственная база зачастую основывается на показаниях подозреваемого и обвиняемого, точнее их признательных показаниях, которые необходимо в дальнейшем проверить и сравнить с иными доказательствами, например, протоколом проверки показаний на месте, показаниями свидетелей – приобретателями похищенного имущества, протоколами выемок, обысков и т.п.

Характерным примером такой практики является приговор, вынесенный Пролетарским районным судом от 16 ноября 2016 г. несовершеннолетнему Б., который был признан виновным в краже золотого кольца потерпевшего. Доказательством его вины послужили не только показания свидетеля П. которого виновный попросил сдать золотое кольцо в ломбард, так как сам являлся несовершеннолетним, протокол выемки вещественного доказательства, и материалы проверки показаний на месте обвиняемого Б. Однако анализ собранных по делу доказательств

показал, что хронологически в качестве первого доказательства в материалах дела фигурирует показания подозреваемого Б., который признался в совершенном преступлении, подробно рассказал о его обстоятельствах, что позволило собрать и другие доказательства по делу. В случае отсутствия признательных показаний Б., отсутствовали бы и другие доказательства по делу, подтверждающие его причастность к преступлению [8]. Каким образом получены признательные показания Б., неизвестно.

В других случаях практически все обвинение по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств организованной группой основывалось на показаниях одного из соучастников, избличавших других членов преступной группы в совершении преступлений. Авторы статьи надеются, что в этих и других подобных случаях сотрудники правоохранительных органов использовали исключительно законные оперативные и криминалистические средства и методы раскрытия преступлений. Но стоит ли полностью игнорировать известный постулат о том, что «царицей» доказательств является признание лица в совершенном преступлении. Ведь согласно ч. 2 ст. 77 УПК РФ показания обвиняемого это лишь одно из доказательств, и они не могут быть положены в основу обвинения при отсутствии совокупности других доказательств.

3. Требования закона и практика его применения

Закон требует, чтобы все доказательства по делу были собраны в строгом соответствии с процессуальными требованиями. При этом должны быть соблюдены и требования к признакам самих доказательств, которые должны соответствовать критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Анализ судебной практики показывает, что нарушения при производстве расследования по уголовным делам чаще всего обусловлены несоблюдением требований закона при собирании доказательств, а также последующей их неправильной проверкой и оценкой. Так, сбор и приобщение к материалам уголовного дела доказательств, не отвечающих критериям относимости и допустимости, приводит к утрате ими юридической силы и возможности использовать их в качестве доказательств (ст. 75 УПК РФ). Например, такое обстоятельство нередко возникает в случае с показаниями подозреваемого, обвиняемого, которые он давал при производстве расследования по уголовному делу в отсутствие защитника, в том числе тогда, когда он отказался от него, но потом не подтвердил эти показания в суде.

Несовершенство уголовно-правовой конструкции п. 1 ч. 2 ст. 75 проявляется и на уровне положений ст. 51 УПК РФ об обязательном участии защитника. По мнению А. И. Александрова, право на защиту является важным правовым элементом, реализация которого осуществляется путем приглашения квалифицированного специалиста, коим является адвокат. Вместе с тем, допускаются случаи, когда такие нормы становятся фикцией, в случае, если адвокат состоит в сговоре со следователем, тем самым фактически действуя в интересах обвинения. Такие адвокаты называются как «карманные» [9].

Перечень случаев, когда участие защитника обязательно, согласно ст. 51 УПК РФ является исчерпывающим. Из положений данной статьи вытекает безусловное пра-

во подозреваемого, обвиняемого, или иного лица, в отношении которого осуществляются меры процессуального принуждения, отказаться от услуг защитника, за исключением указанных в ст. 51 УПК РФ случаев. Вместе с тем, несовершенство такой законодательной конструкции усматривается в отсутствии упоминания о необходимости выяснения факта, что подозреваемый, обвиняемый реально не нуждается в услугах защитника, и указания на прямой запрет участия защитника, когда нуждаемость в нем отсутствует согласно позиции подозреваемого, обвиняемого. К тому же анализ следственно-судебной практики показывает, что иногда участие защитника – это не благо, а зло, как, например, в уголовном деле известного российского актера – М. Ефремова.

Авторы настоящего исследования смеют утверждать, что в настоящее время практически по всем уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения обеспечивается участие защитника. Однако в контексте мнения, высказанного А.И. Александровым, и на основании личного практического опыта одного из авторов, можно констатировать факт, что далеко не всегда дознаватели и следователи руководствуются соображениями законности, обеспечивая обязательное участие защитника на досудебной стадии. Конструкция п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, к сожалению, способствует такому порядку вещей.

Как следствие, сотрудники правоохранительных органов стараются «страховать» себя от тех случаев, когда подсудимый, будучи допрошенным на предварительном следствии или дознании без защитника, и дав признательные показания, затем в суде отказывается от своих показаний, что автоматически исключает такие показания из числа допустимых доказательств.

Такая правовая ситуация зачастую порождает другую проблему, связанную с реальным обеспечением подозреваемого, обвиняемого права на защиту. По нашему мнению, такая проблема связана с так называемыми дежурными адвокатами, действующими по назначению на основании постановления дознавателя, следователя, суда. Нередки случаи, когда следователями приглашаются для осуществления следственных действий, в том числе допросов подозреваемых, обвиняемых наиболее лояльных адвокатов, не занимающих активную позицию, направленную на защиту. Мотивации на оказание надлежащей правовой помощи и реальную защиту у таких адвокатов, как правило, нет в силу отсутствия соглашения с подзащитным и гарантированной оплаты его труда государством (сегодня это 1500 руб. в день) [10]. Работа такой категории защитников может сводиться лишь к формальному присутствию при соответствующем процессуальном действии и подписанию протокола следственного действия без должного вникания в обстоятельства дела.

Участие в процессе таких защитников является грубейшим и фундаментальным нарушением права на защиту, поскольку в случае последующего отказа подсудимого в ходе судебного следствия от показаний, данных в присутствии недобросовестного адвоката на предварительном следствии или дознании, это лишает возможности суд признать их недопустимыми, поскольку в ходе досудебного производства подозреваемый, обвиняемый мог и оговорить себя. В конечном итоге это исключает возможность установить истину по делу.

Анализ судебной практики также показывает, что нередко подсудимый уже в судебном заседании заявляет о самооговоре. В качестве доводов такие лица часто ссылаются на факты принуждения со стороны сотрудников правоохранительных органов. На этот случай закон предусматривает возможность оглашения показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе расследования по уголовному делу, с целью устранения существенных противоречий (ст. 276 УПК РФ). Казалось бы, такой подход позволяет судье, исходя из оценки всей совокупности собранных по делу доказательств и по своему внутреннему убеждению, выбрать, какие показания подсудимого являются правдивыми и соответствуют критериям допустимости, относимости и достоверности. Но наличие такой возможности, согласно ст. 276 УПК РФ, в случае обеспечения подозреваемого, обвиняемого «дежурным» защитником, фактически самоустранившего от квалифицированной юридической помощи, в большинстве случаев проблему только усугубляет.

С точки зрения закона оба доказательства – показания подозреваемого, обвиняемого, данные при производстве расследования по уголовному делу и оглашенные в ходе судебного следствия, и его показания, данные в судебном заседании, равнозначны. Выбор между ними производится судом в результате оценки их относимости, допустимости и достоверности в совокупности с иными собранными по делу доказательствами. К сожалению, этот выбор в большинстве случаев осуществляется в пользу показаний, данных на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Более того, в случаях отказа подсудимого от показаний, данных на стадии досудебного производства, в судебном заседании ему предъявляется протокол его допроса на предварительном следствии. Практически всегда констатируется факт, что все подписи в протоколе принадлежат подсудимому, протокол соответствует всем предъявляемым требованиям, допрос проводился в присутствии защитника и т.д. В связи с этим суд подвергает позицию подсудимого критической оценке, указывая затем в приговоре, что изменение показаний подсудимого вызвано его стремлением избежать уголовной ответственности. Причем, как правило, в случае заявления подсудимого о незаконных методах ведения следствия, судом назначается процессуальная проверка его доводов, которая проводится следователями Следственного комитета, но и она практически всегда констатирует факт отсутствия доказательств каких-либо нарушений, указанных подсудимым.

Вышеизложенное подтверждает и судебная практика. Так, согласно приговору Пролетарского районного суда Ростовской области от 15 марта 2016 г. В. и К. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного п. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Преступление они совершили при следующих обстоятельствах. 8 июня 2015 г. в 18 часов, находясь на участке местности в районе домовладения Г. п. Протоки, с целью кражи, действуя по предварительному сговору, на автомобиле марки ВАЗ, принадлежащем В., они похитили принадлежащего потерпевшему Г. теленка, чем причинили ему значительный материальный ущерб.

На предварительном следствии В. и К. дали признательные показания, пояснив, что действительно похитили теленка. Однако в ходе судебного заседания от своих показаний они отказались, пояснив, что нашли теленка, подумав, что он никому не принадлежит, и забрали его себе. Оценив показания данных лиц на предвари-

тельном следствии и в суде, суд дал им следующую правовую оценку. Установлено, что в ходе расследования по делу подсудимые в процессе допросов в качестве подозреваемых с участием их адвокатов дали признательные показания. Показания их подробны, последовательны и не противоречат друг другу и другим материалам дела. Из показаний подсудимых на предварительном следствии следует, что они в достаточной мере осознавали правовую природу содеянного – именно кражи имущества у потерпевшего Г. Основания для признания таких показаний в качестве недопустимых доказательств, отсутствуют. Вину В. и К. подтверждает совокупность иных добытых в ходе расследования и исследованных судом доказательств. С учетом таких обстоятельств суд не усмотрел правовых оснований для квалификации действий подсудимых, как присвоение найденного имущества, согласно положениям Гражданского кодекса РФ [11].

Таким образом, фактически в большинстве случаев противоречия в показаниях подозреваемого, обвиняемого и подсудимого не устраняются, тем самым, положения ч. 3 ст. 14 УПК РФ о неустранимости сомнений, провозглашаются, но игнорируются, что не идет в разрез с принятыми Россией обязательствами в связи со вступлением в Совет Европы. Так, в своем постановлении от 10 февраля 1995 г. № 308/96 по делу «Аллене Де Рибемон против Франции» Европейский суд по правам человека прямо указал, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод должна трактоваться таким образом, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права [12].

Вместо заключения. О необходимости внесения конструктивных изменений в УПК РФ

В целях совершенствования правового механизма, направленного на безусловное соблюдение прав и гарантий лица, привлеченного к уголовной ответственности, необходимо внесение соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, исключающих возможность и целесообразность принятия судом решения о выборе в качестве доказательств противоречивых показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе предварительного расследования и показаний подсудимого на судебном следствии. В случае наличия существенных противоречий, суду надлежит учитывать только показания, данные в судебном заседании.

С учетом того, что предварительное следствие не носит публичного характера (тот же допрос подозреваемого, обвиняемого осуществляется следователем лишь в присутствии защитника), возможность злоупотреблений со стороны лица, производящего расследование, намного выше, чем при судебном производстве. Поэтому предлагаемые изменения будут в полной мере способствовать соблюдению принципа непосредственности исследования судом доказательств, предоставив судье право критически оценивать результаты предварительного следствия и дознания в пользу судебного следствия. Полагаем, что в таком случае будут в полной мере реализованы положения закона о том, что показания подозреваемого, обвиняемого – лишь одно из доказательств. А это в свою очередь обяжет сотрудников правоохранительных органов добросовестно собирать по делу совокупность всех необходимых и достаточных доказательств.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция СССР (утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 27.10.2022).

2. *Вышинский А. Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.

3. 99,64%. С такой вероятностью Вас признают виновным, если дело дойдет до суда. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/08/11/73453-pered-kem-vy-opravdyvaetes> (дата обращения: 27.10.2022).

4. *Кожевников М. В.* История советского суда, 1917–1956 годы. М. : Госюриздат, 1957.

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. М., 2021.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

7. Свод законов Российской империи, 1857. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 27.10.2022).

8. Пролетарский районный суд Ростовской области. URL: https://proletarskys--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=174520845&case_uid=50236ea5-e1db-4661-80af-2179c9d86734&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.10.2022).

9. *Александров А. И.* Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе России : актуальные проблемы // Российский следователь. 2019. № 8.

10. В 2021 году при расчете размера вознаграждения адвокатов по назначению должны применяться новые ставки. URL: <https://www.garant.ru/news/1431470/> (дата обращения: 27.10.2022).

11. Ростовский областной суд. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6231055&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 27.10.2022).

12. Дело «Аллене Де Рибемон (*Allet De Ribemont*) против Франции». Постановление Суда от 10.02.1995. URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Allenet_De_Ribemont_v_France_10_02_1995.pdf (дата обращения: 27.10.2022).

References

1. The Constitution of the USSR (approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on 5 December 1936). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

2. *Vyshinskii A. Ia.* The Theory of Judicial Evidence in Soviet Law. Moscow: Legal Publishing House of the NKlu USSR, 1941. (In Russ.)

3. 99.64%. With such a probability, you will be found guilty if the case goes to trial. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/08/11/73453-pered-kem-vy-opravdyvaetes> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

4. *Kozhevnikov M. V.* History of the Soviet Court, 1917–1956. Moscow: Gosizurizdat, 1957. (In Russ.)

5. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020. Moscow, 2021. (In Russ.)

6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

7. Code of Laws of the Russian Empire, 1857. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

8. Proletarsky District Court of the Rostov region. URL: https://proletarskys--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=174520845&case_uid=50236ea5-e1db-4661-80af-2179c9d86734&delo_id=1540006 (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

9. *Alexandrov A. I.* Ensuring the Right of the Accused (Suspect) to Defense in the Criminal Process of Russia: Actual Problems. *Russian Investigator*, 2019, no. 8. (In Russ.)

10. In 2021, new rates should be applied when calculating the amount of remuneration for lawyers by appointment. URL: <https://www.garant.ru/news/1431470/> (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

11. Rostov Regional Court. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6231055&delo_id=4&new=4&text_number=1 (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

12. Case of *Alenet de Ribemont v. France*. Court’s Ruling of 10 February 1995. URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Allenet_De_Ribemont_v_France_10_02_1995.pdf (date of the application: 27.10.2022). (In Russ.)

Сведения об авторах:

С. А. Алтухов – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Любимов – почетный судья в отставке.

Information about the authors:

S. A. Altukhov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

A. V. Lyubimov – retired honorary judge, associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted to the editorial office 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.